

УДК 811.511 + 81'37

**Н. Б. Кошкарёва^{1,2}, Е. В. Кашкин³, О. А. Казакевич⁴, С. И. Буркова⁵
Е. М. Будянская⁴, Н. А. Муравьев⁶, Ю. Б. Коряков⁶**

¹ *Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Институт русского языка РАН
ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019, Россия*

⁴ *Московский государственный университет
ул. Ленинские Горы, 1, Москва, 119991, Россия*

⁵ *Новосибирский государственный технический университет
пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия*

⁶ *Институт языкознания РАН
Большой Кисловский пер., 1/12, Москва, 125009, Россия*

*koshkar_nb@mail.ru, egorkashkin@rambler.ru, kazakevich.olga@gmail.com
burkova_s@mail.ru, budyanskaya.lena@gmail.com, nikita.muraviev@gmail.com
ybkoryakov@gmail.com*

ПОНЯТИЕ «МУЖ» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ, РАСПРОСТРАНЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Рассматриваются принципы наименования отдельных категорий родственников на примере понятия «муж» (в значении «супруг» – мужчина, состоящий в браке) и способы нанесения на лингвистические карты семантических признаков, актуальных для их именования. Различия в терминах обусловлены типом системы родства – описательной или классификационной.

Выявлены следующие основные стратегии для обозначения понятия «муж»: 1) перенос значения типа «физическая сфера (пол) → социальная сфера (приобретенное родство)»: мужчина → муж; 2) перенос значения типа «физическая сфера (пол и возраст) → социальная сфера (приобретенное родство)»: старик → муж; 3) перенос значения типа «социальная сфера (дружеское общение) → социальная сфера (приобретенное родство)»: друг, товарищ → муж.

В хантыйском языке основной является стратегия переноса «мужчина → муж», однако возможен также перенос типа «товарищ → муж». В ненецком языке основная стратегия развития этого значения «старик → муж», маргинальными являются «мужчина → муж» и еще более редкая «друг → муж». В селькупском отмечаются все три названные стратегии, однако последняя оказывается периферийной: «мужчина → муж», «старик → муж», «друг → муж» (последняя стратегия зафиксирована только для Пуровской Тольки и Быстринки). В коми-зырянском языке

Кошкарёва Н. Б., Кашкин Е. В., Казакевич О. А., Буркова С. И., Будянская Е. М., Муравьев Н. А., Коряков Ю. Б. Понятие «муж» и его отражение в диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории ямало-ненецкого автономного округа // *Вестн. НГУ. Серия: История, филология.* 2017. Т. 16, № 2: Филология. С. 74–85.

фиксируется несколько стратегий, различающихся для разных ареалов: «мужчина → муж» (повсеместно), «старик → муж» (Харсаим, Самбург), «друг → муж» (Мужи, Восяхово, Белоярск, Харсаим, Самбург).

Основной стратегией для самодийских языков является использование лексем, обозначающих лиц мужского пола среднего или старшего возраста по возрастному признаку, для выражения отношений приобретенного родства. Типичным переносом для ненецкого является «старик → муж», для селькупского – «мужчина → муж» и «старик → муж», хотя допустимы и другие варианты развития переносного значения по модели «друг → муж». Уникальное положение на исследуемой территории занимает коми-зырянский язык, что объясняется, прежде всего, его недавним появлением на данной территории и продвижением через территории, населенные другими народами. Инновации в разных регионах его распространения обусловлены контактами с разными языками с различными принципами организации терминотерминологии родства. В зонах контактирования с хантыйским языком переносные значения развиваются по типу классификационных систем родства (появляется возможность употребления слова *мужык* в значении «муж»), тогда как в ареале взаимодействия с ненецким активизируется самодийская модель «старик». В других контактных зонах расселения – хантов и ненцев, хантов и селькупов, преимущественно на периферии ареалов их обитания – происходят аналогичные процессы.

Ключевые слова: уральские языки Сибири, хантыйский язык, ненецкий язык, селькупский язык, коми-зырянский язык, терминология родства и свойства, термины приобретенного родства, семантические карты, заимствования.

Целью данной статьи является рассмотрение принципов наименования отдельных категорий родственников на примере понятия «муж» (в значении «супруг» – мужчина, состоящий в браке) и способы нанесения на лингвистические карты семантических признаков, актуальных для их именования.

Материалом для исследования послужили данные по четырем уральским языкам, распространенным на территории Ямало-Ненецкого автономного округа: двум финно-угорским (хантыйскому и коми-зырянскому) и двум самодийским (ненецкому и селькупскому), – собранные в результате полевых исследований этих языков. На карты нанесен материал, собранный в следующих населенных пунктах: по ненецкому языку – Антипаюта, Сеяха, Яр-Сале, Яроно (запись речи информанта – носителя говора с. Яроно проводилась в г. Салехард); по хантыйскому языку – Белоярск, Шурышкары, Азовы, Овгорт; по селькупскому языку – Сидоровск, Красноселькуп, Толька (Красноселькупский р-н ЯНАО), Толька (Пуровский р-н ЯНАО), Часелька, Быстринка, Киккиаки, Ратта; по коми-зырянскому языку – Самбург, Нори, Белоярск, Харсаим, Шурышкары, Восяхово, Мужы, Горки. Были использованы также данные из опубликованных источников, позволяющие уточнить значение и функционирование соответствующих слов, но не имеющие точной географической адресации, поэтому не нанесенные на карты.

Особенностью социолингвистической ситуации на территории Ямало-Ненецкого автономного округа является соседство языков, носители которых исконно проживают на данной территории на протяжении длительного времени (ханты, ненцы, селькупы), а также наличие коми-зырянского языка, носители которого пришли на данную территорию значительно позднее (основная волна переселения относится к первой трети XIX в. [Жеребцов, 1982; Повод, 2006]) и в разных зонах своего расселения соседствуют с хантами и ненцами, что отражается на особенностях местных диалектов, в значительной мере подверженных влиянию языков соседей – разному в разных контактных ареалах.

Особенности терминологии родства определяются принадлежностью к описательному или классификационному типу родства. В описательных системах каждый родственник обозначается специальным термином или комбинацией терминов, поэтому каждое лицо имеет свое обозначение (например, *отец, мать, брат, сестра, двоюродные брат, сестра* и т. д.). В классификационных системах различаются не отдельные родственники, а их «классы»: «отцы», «матери», «мужья», «жены», «братья», «сыновья» и т. д., при этом один и тот же термин употребляется одновременно по отношению к нескольким родственникам, находящимся в разных степенях родства.

В хантыйском языке довольно последовательно представлена классификационная система терминологии родства. Это отражается в совпадении именовании: *эви* ‘дочь’ и ‘девочка’, *пõх* ‘мальчик’ и ‘сын’, *ики* ‘мужчина’ и ‘муж’, *ими* ‘женщина’ и ‘жена’ и др., которое свидетельствует о том, что на ранних этапах группового брака все мальчики и девочки считались

одновременно детьми всех мужчин и женщин. Классификационные признаки прослеживаются также и в делении близких родственников на старших и младших: *яй* 'старший брат', *апици* 'младший брат'. Хантыйская система родства носит «скошенный» характер, т. е. одним и тем же термином называются родственники из разных поколений: *яй* 'старший брат *ego*'; младший брат отца, если он старше *ego*'. Различаются термины для родственников по линии отца и матери, мужа и жены: *аңқаңки* 'бабушка по материнской линии', *щаци* 'бабушка по отцовской линии'.

В ненецком языке прослеживаются лишь отголоски классификационной системы родства [Куприянова, 1954. С. 164–165], они обнаруживаются в именовании одним и тем же словом *ню* ('ребенок') как девочек, так и мальчиков и в совпадении значений 'ребенок' и 'сын / дочь', типичном для классификационных систем. В обозначении близких родственников также сохраняется деление на старших и младших: *няба* 'старшая сестра', *пана* 'младшая сестра или брат'. Элементы «скошенной» системы родства прослеживаются в том, что одним и тем же термином называются родственники из разных поколений: *няка* 'старший брат, младший брат отца'. Однако нет четкого противопоставления рода отца и рода матери: одним и тем же термином *хада* называется бабушка по отцу и по матери. Таким образом, отмечается усиление признаков описательной системы родства для ненецкого языка.

В исследованиях по селькупскому языку отмечается смешанный характер терминологии родства и свойства: «Селькупская терминология родства имеет исключительно классификационный характер, в то время как среди терминов свойства встречаются описательные термины» [Кузнецова и др., 1980. С. 88]. Для селькупской системы родства релевантными оказываются следующие противопоставления:

- по поколениям: *ильча* 'дед' – *эсы* 'отец' – *ия* 'сын' (но также 'ребенок', а за пределами поля родства и свойства – еще и 'мальчик') – *кэсан* 'внук';
- по полу родственника: *ильча* 'дед' – *имыля* 'бабушка'; *эсы* 'отец' – *эмы* 'мать'; *тімня* 'брат' – *неньня* 'сестра'; *ия* 'сын' – *няля* 'дочь'; однако в поколении потомков противопоставление по полу стирается: *кэсан* – это не только 'внук', но и 'внучка';
- по возрасту внутри поколения противопоставление работает только в поколении родителей: старший брат отца называется так же, как отец отца, т. е. дед (*ильча*), а младший брат отца – как брат (*тімня*);
- по полу промежуточного родственника и т. д.

Описательные термины встречаются только в системе свойства: *эсылыра* 'свекр' (букв.: 'отцовский мужчина'), *эмыль има* 'свекровь' (букв.: 'материнская женщина'). Следует отметить, что часть терминов родства и свойства, зафиксированных у тазовских селькупов в 1970-е гг., сегодня уже забыты (например, *тимä* 'младший брат матери'), другие сохранились в памяти только пожилых носителей языка, например: *оня* 'старшая сестра мужа (золовка) или жены (свояченица)'; 'жена старшего брата (невестка)'; *кэрмä* 'старший брат жены (шурин)'; 'муж старшей сестры (зять)'. Иногда термин опознается, но носитель языка не может описать его значение.

Для коми-зырянского языка отмечается преобладание признаков описательной системы родства, которая проявляется в том, что термины со значением 'мальчик' и 'сын', 'девочка' и 'дочь' совпадают не во всех случаях, ср.: *ныы* 'девочка, девушка, дочь' vs *зон* и *детина* 'мальчик, парень' – *ни* 'сын'; нет деления близких родственников на младших и старших: одинаково именуются старшие и младшие братья и сестры (*вок* 'брат', *чой* 'сестра'); нет признаков «скошенной» системы поколений: термины 'старший брат' и 'младший брат отца' не совпадают: *ыджыд вок* 'старший брат' (букв.: большой брат) – *дыдь* 'дядя'. Кроме того, зафиксировано большое количество заимствований из русского языка, в том числе типологически значимых, например, *баб* 'бабушка', *дед* 'дедушка' и др.

Для исследуемых языков выделяются следующие основные стратегии для обозначения понятия «муж»¹:

¹ Наименования жены следуют тем же стратегиям и в настоящей статье подробно не обсуждаются.

1) перенос значения типа «физическая сфера (пол) → социальная сфера (приобретенное родство)»: мужчина → муж;

2) перенос значения типа «физическая сфера (пол и возраст) → социальная сфера (приобретенное родство)»: старик → муж;

3) перенос значения типа «социальная сфера (дружеское общение) → социальная сфера (приобретенное родство)»: друг, товарищ → муж.

Во всех языках действует основная, наиболее распространенная тенденция для обозначения понятия «муж», однако в качестве дополнительных фиксируются и другие стратегии из данного списка.

В хантыйском языке основной является стратегия переноса «мужчина → муж», однако возможен также перенос типа «товарищ → муж». В ненецком языке основная стратегия развития этого значения «старик → муж», маргинальными являются «мужчина → муж» и еще более редкая «друг → муж». В селькупском отмечаются все три названные стратегии, однако последняя оказывается периферийной: «мужчина → муж», «старик → муж», «друг → муж» (последняя стратегия зафиксирована только для Пуровской Тольки и Быстринки). В коми-зырянском языке фиксируется несколько стратегий, различающихся для разных ареалов: «мужчина → муж» (повсеместно), «старик → муж» (Харсаим, Самбург), «друг → муж» (Мужи, Восяхово, Белоярск, Харсаим, Самбург) (рис. 1).

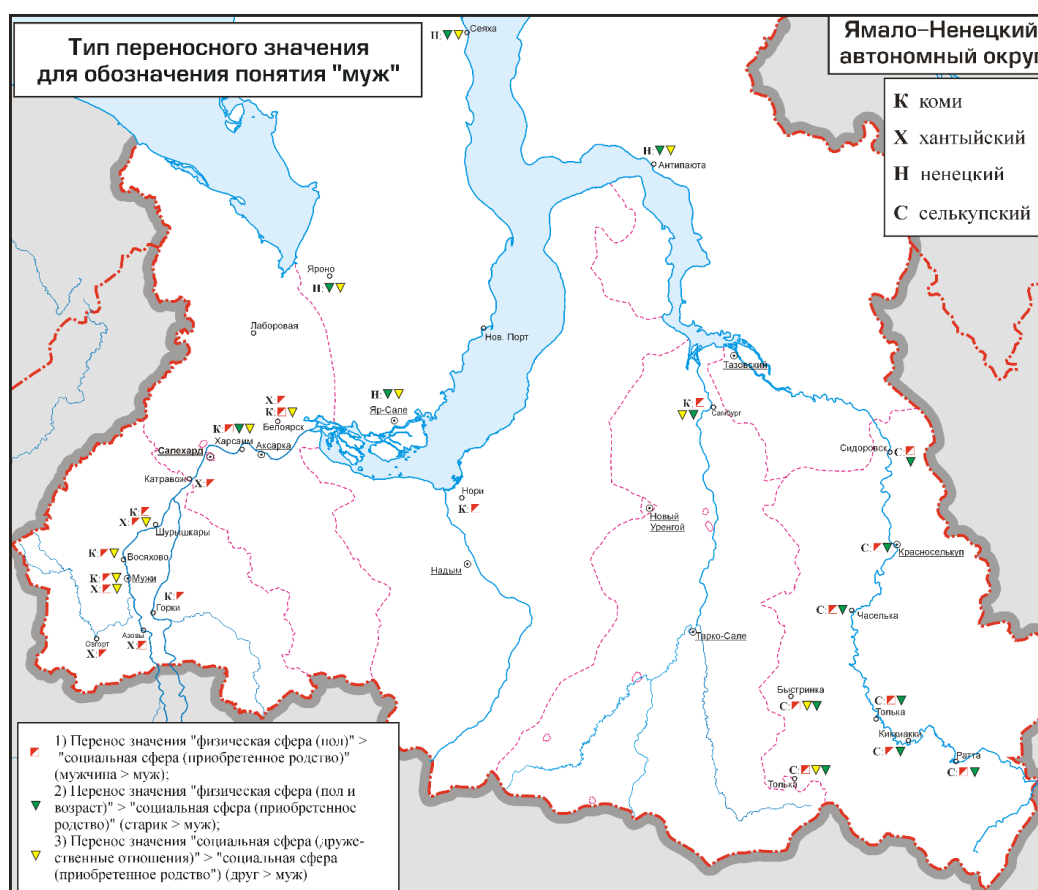

Рис. 1

Таким образом, основными источниками для наименования человека по признаку «приобретенное родство» являются три параметра: биологический пол (мужчина / женщина), возраст (старик / старуха) и дружеское общение (товарищ / друг).

Модель переноса «мужчина → муж» представлена во всех языках. В хантыйском лексема *ики* имеет два значения ‘мужчина’ и ‘муж’ и представляет основную модель именования этого понятия. В северных селькупских говорах эта модель употребляется повсеместно, причем перенос значения, как и в хантыйском, часто сопровождается оформлением основы посессивными показателями: *ира* ‘мужчина’ – *ира-м, ира-л, ира-ты* ‘муж мой, твой, ее’ (букв. ‘мой, твой, ее мужчина’). Селькупское *ира* является наиболее распространенной моделью во всех населенных пунктах. Для ненецкого языка употребление слова *хасава* ‘мужчина’ в значении ‘муж’ достоверно зарегистрировано в Самбурге, это возможная, но не широко распространенная модель. Употребление слова *хасава* в значении ‘муж’ фиксируется также и в населенных пунктах Яроно, Гыде, Антипаюте. В опубликованных Е. Т. Пушкаревой текстах из Ныды понятие «муж» регулярно передается словом *хасава*. Интересен комментарий информантки из пос. Новый Порт, которая для обозначения понятия «муж» сначала употребила слово *хасава*, но потом засомневалась и пояснила, что так скорее можно сказать о любовнике, а о муже, независимо от возраста, все же правильнее говорить *вэсако* (букв.: старик).

В коми-зырянском языке употребление слова *мужык* в значении ‘муж’ регистрируется повсеместно.

Модель переноса «старик → муж» можно считать основной для самодийских языков, она широко представлена как в ненецком, так и в селькупском языках, при этом для ненецкого она является основной. Лексема *вэсако* ‘старик’ регулярно и повсеместно употребляется в значении ‘муж’. Селькупское слово *ираџота* ‘старик’² также повсеместно употребляется для обозначения понятия «муж», наряду с существительным *ира* ‘мужчина’, и регулярно оформляется соответствующим посессивным показателем: *ираџота-мы, ираџота-л, ираџота-ты* ‘муж мой, твой, ее’. В хантыйском языке такое употребление как регулярное и повсеместное не отмечено. В коми-зырянском языке эта стратегия возможна для районов контактирования с ненцами. В материалах из с. Самбург встречается употребление слова *тари́к* (> рус. *старик*) в значении ‘муж’³, ср., например: *Менам тари́ке тон скѳралэ* ‘Мой муж сегодня сердится’; *Кылан, тари́кыд локтэ!* ‘Слышишь, муж твой едет!’. Существенно, что такие примеры записаны как от пожилых информантов, так и от людей в возрасте 45–50 лет. Обсуждение этих данных с носителем из с. Мужык показало, что в мужевском говоре такое употребление известно, но допустимо скорее для людей старшего поколения, в речи которых слово *старик* сдвигается уже в характеристику по возрасту. Для других коми-зырянских говоров, по данным [ССКЗД, 1961. С. 346; КСК, 2014. С. 425], подобная полисемия слова *старик / тари́к* не отмечалась, а носитель литературного коми языка в возрасте около 40 лет, которому был задан вопрос о таком употреблении, ответил, что его жена не называет его стариком. Оказывается, тем самым, что в коми-зырянском языке сдвиг с наименования по возрасту в наименование супруга возникает в говорах, контактных с ненецким языком, где распространен такой же сдвиг (ср. также его фиксацию в близкородственном энецком языке в [Сорокина, Болина, 2009. С. 86]). Поэтому можно предполагать здесь калькирование ненецкой модели полисемии.

Перенос «товарищ, друг → муж» встречается в хантыйских и коми-зырянских идиомах, распространенных на территории Шурышкарского р-на. Для хантыйского языка это известная, но пассивная модель. По отношению к мужу можно употребить сочетание *тил хуйэм* ‘товарищ’ (букв.: совместный человек).

В ненецком языке подобный перенос встречается крайне редко. Слово *ня* ‘родственник, тот, кто рядом’ в значении «муж» отмечено в единичных текстовых примерах: *Хан хырна торахаванонда. Ня́р ни ту. Пин сыра”ма.* ‘Слышно, полозья нарты скрипят. Муж твой, наверное. Выгляни на улицу’ (Сеяха); *Нидо ’ңамгэхэртамдо ’нидо ’ңэдабтамбю”, ңопой маньрин ня́ми?*

² Существительное ‘старик’ образовано от существительного ‘мужчина’ исходно посредством словосложения: *ира-џота* > *ира* ‘мужчина’ + *џота / кота* ‘старик’ (см. [Alatalo, 2004, S. 280]). Второй корень общесамодийский, однако в северных селькупских говорах он встречается только в качестве второго элемента слов со значением ‘старик’ и ‘старуха’ (*има-џота*).

³ Некоторые носители говора с. Самбург допускают аналогичное употребление слова *таруха* (из рус. *старуха*) для наименования жены, но спонтанных примеров такого рода нам не встретилось.

«Никого из них не отправляли [на курсы бригадиров], только **моего мужа**» (Антипаюта); **Вса-ко нями тарси**” пон’яңгунё”, **ңанихив’нибто’хада**”?” «Дома опять затревожилась его старуха, псу так говорит: «Очень долго нет нашего **старика товарища**, видимо, опять его убили» (Ярно). В словаре Н. М. Терещенко значение «муж, жена» приводится третьим для слова *ня*: **Няр нянанд нися ту**”?” «Твой муж не приехал с тобой / Твоя жена не приехала с тобой?» [Терещенко, 1965]. По всей видимости, во всех этих примерах основным является значение ‘родственник’. Неслучайно в словаре Н. М. Терещенко приводится недифференцированный перевод ‘муж / жена’. В фольклорных текстах встречается также иносказательное выражение *марцьхы* ‘со стороны плеча’, которое употребляется по отношению и к мужу, и к жене.

В коми-зырянских материалах из с. Белоярск, Харсаим и Самбург значение ‘муж’ / ‘жена’ может также выражаться существительным *ёрт*, основное значение которого – ‘друг’, ср., например: *Кёрдорынветлалім, кёрдорын, ёртэ бригадирэн вёлі* ‘В стадах ходили, в стадах, **муж мой** бригадиром был’ (с. Харсаим, рассказ женщины о жизни в оленеводстве после замужества, Архив ОГТРК⁴, зап. М. И. Ёлтышевой, конец 1990-х – начало 2000-х).

Такие примеры могут вызвать подозрение в калькировании, учитывая, что все названные говоры находятся в окружении ненецкого языка, где зафиксировано слово *ня* ‘брат, сестра; **товарищ**, подруга, **приятель**, приятельница; **муж**, жена’ [Терещенко, 1965. С. 335]. Вместе с тем ситуация здесь оказывается несколько более сложной. Информанты из с. Мужы и Восяхово, которым был целенаправленно задан вопрос о таком употреблении слова *ёрт*, подтвердили его наличие и в своих говорах, однако случаев этого употребления в большом корпусе текстов и спонтанных примеров из этих поселков нам не встретилось (в отличие от записей из говоров Приуральского и Пуровского р-нов). Имеется лишь один спонтанный пример такого рода, записанный Т. И. Жилиной в 1959 г. в с. Мужы. Он происходит из рассказанной на коми-зырянском языке сказки об Иване-царевиче, Елене Прекрасной и Жар-птице: *Елена Прекраснаяэс тшапкис и нуис, а кык служанка сідз и колиныс. Иван-царевич доре вайис, а Елена Прекрасная без памети, сайдыс воишис. Иван-царевич кёдзыд ваан мысьседіс, и сайдыс петі. И рад лои. Ме думайті, зьвер сёяс, а ме вои морт доре. А Иван-царевич и висьталэ: «Тэ ин во прётэй морт доре, а воин Иван-царевич доре. Пуксям и мунам, тэ лоан менам **олан ёрт**»*⁵ ‘Елену Прекрасную [тигр. – примеч. авт.] схватил и унес, а две служанки так и остались. При-нес ее к Ивану-царевичу, а Елена Прекрасная без памяти, сознание потеряла. Иван-царевич умыл ее холодной водой, и сознание к ней вернулось. И обрадовалась она. «Я думала, зверь съест, а я попала к человеку». А Иван-царевич и говорит: «Ты попала не к простому человеку, а к Ивану-царевичу. Сядем и поедем, ты будешь моей **спутницей жи́виро́м**». ⁶ Кроме того, информанты из Шурышкарского р-на, по нашим наблюдениям, не называют слово *ёрт* в числе собственных первых реакций на вопрос о том, как сказать на их языке ‘муж’ / ‘жена’, в то время как у носителей говоров Белоярска и Самбурга, тоже подробно изучавшихся в полевых условиях, такие первые реакции встречались. Поэтому можно предположить, что в говорах Шурышкарского р-на это значение слова *ёрт* скорее пассивно по сравнению с другими обследованными говорами.

Если рассматривать распространение значения ‘муж’ / ‘жена’ у лексемы *ёрт* за пределами Ямало-Ненецкого АО, то необходимо отметить, что оно не фиксируется ни в коми-зырянских диалектных словарях, ни в словарях литературного языка [ССКЗД, 1961. С. 120; КСК, 2012. С. 506; КРС, 1961. С. 223; Безносикова и др., 2000. С. 208]. При этом в коми-пермяцком языке, не имеющем непосредственных контактов с сибирскими языками, слово *ёрт*, согласно [Баталова, Кривошекова-Гантман, 1985; Плесовский, 1960], имеет как значение ‘друг, товарищ’, так и значение ‘супруг, супруга’. Для коми-пермяцкого (но не коми-зырянского) языка такой

⁴ Архивные аудиозаписи Творческого объединения коми программ Дирекции программ народов Севера Окружной государственной телевизионной и радиовещательной компании «Ямал-Регион», г. Салехард.

⁵ В примерах из письменных архивных материалов сохраняется орфография источника.

⁶ Архив ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 192: Жилина Т. И. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужы и Шурышкары). 1959 г. Часть II. С. 393.

сдвиг значения отмечен и в [Wiedemann, 1880. С. 81]. Опрошенный нами носитель коми языка из г. Сыктывкар, квалифицированно владеющий литературным языком, также отрицает наличие у слова *ёрт* значения ‘муж’ / ‘жена’.

Можно заключить, что сдвиг с обозначения социального отношения на обозначение приобретенного родства, происходящий у слова *ёрт*, нельзя уверенно считать калькой с ненецкого или хантыйского языков, в первую очередь в силу наличия этого сдвига в коми-пермяцком языке, на котором говорят в другом ареале. Интересно, вместе с тем, что в коми-ижемских говорах ЯНАО подобная полисемия активнее сохраняется в контактном ареале с ненецким языком.

Отметим, кроме того, что слова, сдвигающиеся в наименования супругов из других полей, следуют разным стратегиям оформления посессивными маркерами в разных значениях. В значениях типа ‘мужчина’, ‘старик’, ‘товарищ’ они могут выступать без посессивного маркера (либо принимать его в дискурсивной функции [Кузнецова и др., 2003; Nikolaeva, 2003; Кашкин, 2008]). В свою очередь, в значении ‘муж’ такие существительные дефолтно оформляются посессивными маркерами.

Отличием коми-зырянского языка от остальных языков ареала является заимствование из русского языка самих лексем для обозначения супругов. Коми-зырянский язык оказывается на пересечении языковых контактов: с одной стороны, все его диалекты подвержены сильному русскому влиянию (а в ижемском диалекте степень такого влияния часто выше, чем в других диалектах); с другой стороны, коми-ижемцы, переселившиеся за Урал, попали под влияние коренного населения Сибири.

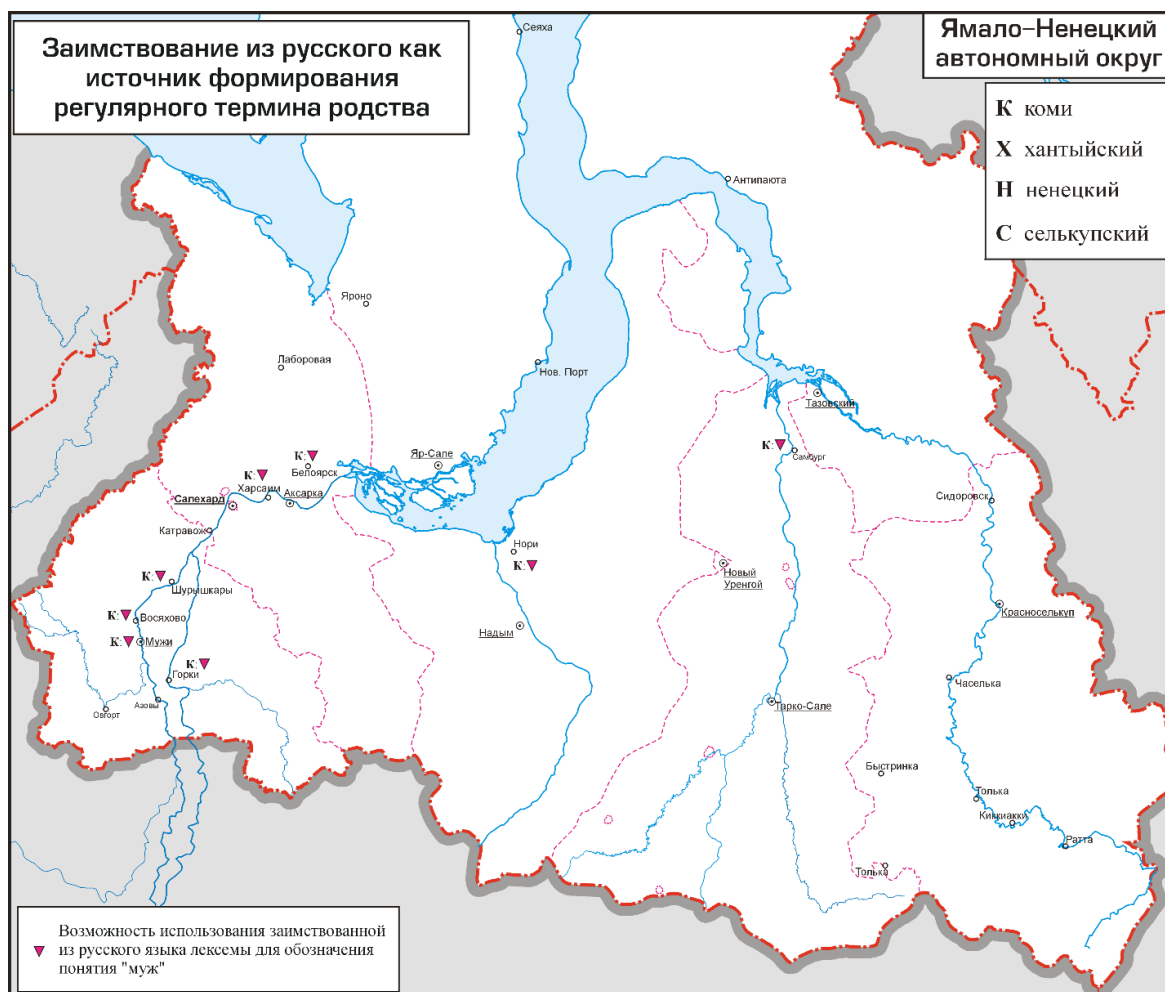

Рис. 2

В обследованных коми-зырянских говорах базовые наименования супругов заимствованы из русского языка. Жена, как правило, обозначается русским заимствованием *баба*, имеющим также значение 'женщина', и реже литературным словом *гöтыр*. Муж обозначается русским заимствованием *мужык*, имеющим также значение 'мужчина'. Литературное слово *верёс* (в ижемском диалекте имеющее регулярный фонетический вариант *верес*) встречается преимущественно в предложных группах *верес сае* 'замуж' и *верес сайын* 'замужем', а также в составе стяженного образования *вересса* 'замуж'. Отдельные примеры использования слова *верес* в иных контекстах были зафиксированы только в говоре с. Мужи.

Любопытно сопоставление полученных нами результатов с данными, приводимыми в типологической базе данных лексических заимствований (WOLD⁷). Эта база содержит сведения по 41 языку разных семей и ареалов. Для каждого языка приводится словарь объемом 1 000–2 000 входов. Для каждого словарного входа в конкретном языке предлагается экспертная оценка вероятности того, что соответствующее слово заимствовано из другого языка. Эта оценка формализуется в базе с помощью показателя BorrowedScore (индекс заимствования). Каждой лексеме конкретного языка может быть присвоено одно из следующих его значений:

- 1 – очевидное заимствование;
- 0,75 – вероятное заимствование;
- 0,5 – возможное заимствование;
- 0,25 – нет существенных оснований считать слово заимствованным;
- 0 – нет никаких оснований считать слово заимствованным.

Из материалов WOLD следует, что термины родства и свойства заимствуются в языках мира достаточно редко. Так, для значения 'муж' средний индекс заимствования составляет 0,2, для значения 'жена' – 0,18, для терминов родства и свойства в целом – 0,23 (ср., например, со средним индексом заимствования 0,64 для культурных реалий современного мира и для наименований социальных и политических отношений, 0,49 – для религиозной лексики, 0,45 – для поля сельского хозяйства, 0,4 – для полей одежды и предметов домашнего быта).

Коми-зырянский язык представляет модель развития заимствования, не вполне тривиальную типологически. Важно при этом, что заимствования наименований мужа и жены в коми-зырянских говорах ЯНАО отмечены еще в материалах сыктывкарских экспедиций 1959 г.⁸ (ср. также следующий пример: *Ме съсься тулыснас и муні верессаа. Чери кыйны кучим. Мужике пышлина кучис кыйны. 'Я потом весной и вышла замуж. Стали мы рыбу ловить. Муж мой на пушного зверя стал охотиться'*⁹). Поэтому объяснение таких заимствований вряд ли может быть сведено к фактору «порчи» языка под усиливающимся в последние годы русским влиянием. Скорее, наблюдаемые факты могут быть обусловлены, с одной стороны, многовековыми контактами коми и русских (что естественным образом провоцирует в контактных зонах взаимопроникновение культур и лексические заимствования), с другой стороны, произошедшим уже в XIX в. отрывом значительных групп коми-ижемцев, переселившихся за Урал, от коми, проживающих на современной европейской территории России и сейчас теснее связанных с литературным языком (подробнее об историческом аспекте вопроса см., например, [Жеребцов, 1982; Повод, 2006]).

Интересно также, что в говорах с. Восьхово, Белоярск, Самбург зафиксированы спорадические примеры использования литературного слова *гöтыр* в значении 'муж'. В целом, однако, они не соответствуют общему узусу описываемых говоров и запрещаются большинством информантов. Вероятно, наличие таких примеров объясняется, с одной стороны, постепенным стиранием исконной коми-зырянской системы в рассматриваемых говорах и заменой исконной лексики на русские заимствования, с другой – тем, что носители ижемских говоров Ямало-Ненецкого автономного округа в большинстве своем не владеют литературным языком и потому могут иметь неточные представления о значениях тех или иных литературных слов.

⁷ World loanword database / Ed. by M. Haspelmath, U. Tadmor. URL: <http://wold.clld.org>

⁸ Архив ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 193: Колегова Н. А. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужи и Шурышкар). 1959 г. Часть I. С. 79, 112.

⁹ Там же. Ед. хр. 192: Жилина Т. И. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужи и Шурышкар). 1959 г. Часть II. С. 378.

Итак, сделаем обобщения относительно характера обозначения понятия «муж» в уральских языках, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

Для хантыйского языка характерным является сохранение классификационного типа системы родства, в соответствии с которым лексема *ики* с исходным значением ‘мужчина’ используется для обозначения понятия «муж». Переносные значения локализируются в социальной сфере: для лексем *ики* перенос осуществляется из физической сферы в социальную, аналогично и возможность использования сочетания *нил ху* ‘товарищ’ для обозначения понятия «муж» относится к социальной сфере.

Основной стратегией для самодийских языков является использование лексем, обозначающих лиц мужского пола среднего или старшего возраста по возрастному признаку, для выражения отношений приобретенного родства. Типичным переносом для ненецкого является «старик → муж», для селькупского – «мужчина → муж» и «старик → муж», хотя допустимы и другие варианты развития переносного значения по модели «друг → муж».

Уникальное положение на исследуемой территории занимает коми-зырянский язык, что объясняется, прежде всего, его недавним появлением на данной территории и продвижением через территории, населенные другими народами. Инновации в разных регионах его распространения обусловлены контактами с разными языками с различными принципами организации терминосистем родства. В зонах контактирования с хантыйским языком переносные значения развиваются по типу классификационных систем родства (появляется возможность употребления слова *мужык* в значении «муж»), тогда как в ареале взаимодействия с ненецким активизируется самодийская модель «старик».

Однако и в других контактных зонах расселения – хантов и ненцев, хантов и селькупов, преимущественно на периферии ареалов их обитания – происходят аналогичные процессы. Так, на севере Ямало-Ненецкого автономного округа, в поселках Горнокнязевск, Аксарка и Катравож, где приуральские ханты соседствуют с ненцами, происходит разрушение исконной классификационной системы родства в некоторых ее частях: для обозначения понятия «бабушка» используется заимствованное из ненецкого слово *хада*, которое употребляется независимо от того, к линии отца или матери относится этот родственник. Причем на прямые вопросы, знают ли носители этого диалекта термины *аукцааци* ‘бабушка по отцовской линии’ и *аукауки* ‘бабушка по материнской линии’, они отвечают, что такие слова им не известны, они их не употребляют.

Тем самым, система терминов родства в ареале ЯНАО оказывается в высокой степени подвержена контактными изменениям как на уровне заимствования лексем, так и на уровне заимствования моделей устройства системы. Селькупский язык, находящийся вне зоны ареальных контактов, испытывает подобные явления в наименьшей степени.

Список литературы

- Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. URL: http://komiperm.ru/komi_eo
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-рочкывчукӧр (Коми-русский словарь). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.
- Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.
- Кашкин Е. В.* Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард: Красный Север, 2008. Вып. 6 (58). С. 33–46.
- КРС – Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.
- КСК – Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: В 2 т. / Под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2012. Т. 1; 2014. Т. 2.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. М., 1980.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Казакевич О. А., Грушкіна Е. В. Селькупский язык: Учеб. пособие для пед. колледжей и высших учебных заведений / Под ред. А. И. Кузнецовой. СПб., 2003.

Курпянова З. Н. Терминология родства в устном народном творчестве ненцев // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1954. Т. 101. С. 159–180.

Плесовский Ф. В. К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 6. С. 105–129.

Повод Н. А. Коми северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006.

Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецко-русский словарь. СПб.: Наука, 2009.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под общ. ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.

Тереженко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Alatalo J. Selkupischrs Wörterbuch / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki: Societe Finno-ougrienne, 2004.

Nikolaeva I. A. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Сборник статей. Ижевск, Лейпциг, 2003. С. 130–145.

Wiedemann F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-Deutschen in Anhang deinem Deutschen Register. St. Petersburg, 1880.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2017

N. B. Koshkareva^{1,2}, **E. V. Kashkin**³, **O. A. Kazakevich**⁴, **S. I. Burkova**⁵
E. M. Budyanskaya⁴, **N. A. Murav'yov**⁶, **Yu. B. Koryakov**⁶

¹ Institute of Philology SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Institute of Russian Language RAS
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russian Federation

⁴ Moscow State University
1 Leninskie Gory Str., Moscow, 119991, Russian Federation

⁵ Novosibirsk State Technical University
20 Karl Marx Prospect, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

⁶ Institute of Linguistics RAS
1/12 Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, 125009, Russian Federation

koshkar_nb@mail.ru, egorkashkin@rambler.ru, kazakevich.olga@gmail.com
burkova_s@mail.ru, budyanskaya.lena@gmail.com, nikita.muraviev@gmail.com
ybkoryakov@gmail.com

THE CONCEPT 'HUSBAND' AND ITS REFLECTION IN THE DIALECTOLOGICAL ATLAS OF URALIC LANGUAGES SPOKEN ON TERRITORY OF YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

The article analyzes the principles of naming of certain types of familial relations using the concept 'husband' (a married man) as example, as well as means of application of semantic characteristics

relevant to their naming to linguistic maps. Differences in terms are caused by types of familial relation systems – descriptive or classificatory.

We discovered the following basic strategies for the naming of the concept ‘husband’: 1) transfer of meaning: physical realm (gender) → social realm (acquired kinship): ‘man → husband’; 2) transfer of meaning: physical realm (gender and age) → social realm (acquired kinship): ‘old man → husband’; 3) transfer of meaning: social realm (friendly communication) → social realm (acquired kinship): ‘friend → husband’.

In the Khanty language, the basic strategy of transfer is the ‘man → husband’ model; however, the ‘friend → husband’ transfer is also possible. In Nenets, the basic strategy is ‘old man → husband’, while the ‘man → husband’ and (less frequently) ‘friend → husband’ strategies are peripheral. In Selkup, all listed strategies can be observed, however, the last one is peripheral: ‘man → husband’, ‘old man → husband’, ‘friend → husband’ (the latter is only observed in Purovskaya Tolka and Bystrinka). In Komi-Zyrian, several strategies are used varying between areals: ‘man → husband’ (everywhere), ‘old man → husband’ (Kharsaim, Samburg), ‘friend → husband’ (Muzhi, Vosyakhovo, Beloyarsk, Kharsaim, Samburg).

The basic strategy of the Samoyed languages is the usage of lexemes denoting middle-aged or elderly male persons with regards to their age to denote acquired kinship. A typical Nenets meaning transfer is ‘old man → husband’, in Selkup it is ‘man → husband’ and ‘old man → husband’, although other types of figurative meaning development according to the model ‘friend → husband’ are also possible. The Komi-Zyrian language is unique, which is explained by its relatively recent emergence at this territory and movement through territories populated by other peoples. Innovations in various regions of its distribution are caused by contacts with various languages with varying principles of kinship terminology organization. In places where it comes in contact with Khanty, figurative meanings develop according to the classificatory type of kinship terminology (usage of the word *мужык* as ‘husband’ becomes possible), whereas in the zone of interaction with the Nenets language, the Samoyed ‘old man’ model is activated. In other contact zones, mostly peripheral ones (Khanty and Nenets, Khanty and Selkup), similar processes take place.

Keywords: Siberian Uralic languages, Khanty language, Nenets language, Selkup language, Komi-Zyrian language, kinship terminology, terms of acquired kinship, semantic maps, loan-words.

References

Alatalo, Jarmo. Selkupischrs Wörterbuch / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki: Societe Finno-ougrienne, 2004.

Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S. Komi-permyatsko-russkii slovar’ [Komi-Permyak-Russian Dictionary]. Moscow, Russian language, 1985. Accessed at: http://komiperm.ru/komi_eo (In Russ.)

Beznosikova L. M., Aibabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-rochkyvchukör (Komi-russkii slovar’) [Komi-Russian Dictionary]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo, 2000. (In Russ.)

Kashkin E. V. Possessivnoe sklonenie v muzhevskom govore izhemsckogo dialekta komi-zyryanskogo yazyka [Possessive Declination in Muzhi Subdialect of Izhem Dialect of Komi-Zyrian Language]. Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetsckogo avtonomnogo okruga [Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug]. Issue 6 (58). Salekhard, Krasnyi Sever, 2008, pp. 33–46. (In Russ.)

KSK 2012 – Slovar dialektov komi yazyka, v 2 t. [Dictionary of Komi Dialects, in 2 vol.]. Ed. by L. M. Beznosikova. V. 1. Syktyvkar, 2012. (In Russ.)

KSK 2014 – Slovar dialektov komi yazyka, v 2 t. [Dictionary of Komi Dialects, in 2 vol.]. Ed. by L. M. Beznosikova. V. 2. Syktyvkar, 2014. (In Russ.)

Kupriyanova Z. N. Terminologiya rodstva v ustnom narodnom tvorcestve nentsev. *UZ LGPI im. A. I. Gertsena*. L., 1954. T. 101. S. 159–180.

Kuznetsova A. I., Khelinskij E. A., Grushkina E. V. Ocherki po sel’kupskom yazyku. M., 1980.

Kuznetsova A. I., Khelimskij E. A., Kazakevich O. A., Grushkina E. V. Sel'kupskij yazyk: Ucheb. posobie dlya ped. kolledzhej i vysshikh uchebnykh zavedenij / Pod red. A. I. Kuznetsovoj. SPb., 2003.

Lytkin V. I. (editor). Komi-russkii slovar' [Komi-Russian Dictionary]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1961. (In Russ.)

Nikolaeva I. A. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. *Mezhdunarodnyj simpozium po dejkticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoj i Tsentral'noj Azii: Sbornik statej*. Izhevsk, Lejptsig, 2003. S. 130–145.

Plesovskii F. V. K voprosu o razvitii sem'i u komi i udmurtov (po terminam rodstva) [On Development of Komi and Udmurt Families (According to Kinship Terminology)]. *Istoriko-filologicheskii sbornik* [Historical-Philological Anthology]. Issue 6. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo, 1960, pp. 105–129. (In Russ.)

Povod N. A. Komi severnogo Zaural'ya (XIX – pervaya chetvert' XX v.) [Komi of the Northern Zauralie (19th – early 20th century)]. Novosibirsk, Nauka, 2006. (In Russ.)

Sorokina I. P., Bolina D. S. Enetsko-russkii slovar' [Enets-Russian Dictionary]. Saint-Petersburg, Nauka, 2009. (In Russ.)

SSKZD 1961 – Sravnitel'nyi slovar' komi-zyrianskikh dialektov (Comparative Dictionary of Komi-Zyrian Dialects). Ed. by V. A. Sorvacheva. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo, 1961. (In Russ.)

Tereschenko N. M. Nenetsko-russkij slovar'. M., 1965.

Zherebtsov L. N. Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [Historical and Cultural Interaction Between Komi and Neighboring Peoples]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)